

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ЦЕЛИТЕЛЬ
Спасти СССР!

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Разработка серии *Сергея Курбатова*

Художник *Игорь Варавин*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Целитель. Спасти СССР! / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-105805-0

Он не такой, как все. С виду — моложавый «предпенсционер», головастый инженер-программист, с вызовом именующий себя «совком». Но это с виду...

Михаил Гарин «по совместительству» — целитель. Он может помочь там, где официальная медицина бессильна. Гарин скрывает свои сверхспособности, спасая людей лишь тогда, когда совесть не позволяет пройти мимо. И еще у Михаила Петровича есть две мечты — исправить постыдные ошибки, допущенные в прошлом, и спасти СССР.

И вот сбывается первая мечта... Мише Гарину снова шестнадцать, а на дворе — 1974 год. Он ученик девятого класса в небольшом южном городке. Вся жизнь впереди! И всего каких-то десять лет, чтобы уберечь от распада первое в мире государство рабочих и крестьян. Время пошло...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Большаков В.П., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-105805-0

ГЛАВА 1

*Пятница, 19 октября 2018 года,
поздний вечер.*

Щёлково, улица Парковая

— Помогите! По...

Отчаянный девичий крик разнесся по безлюдной улице, взводя нервы. Я сразу узнал хрустальный голосок Леночки Рожковой. Резко оглянулся и увидел тонкую фигурку, окруженную нахохленными парнями, мнущимися в свете уличного фонаря. Словно четыре темных беса хоровод водили вокруг беленького ангелочка.

И я, как истинный мракоборец, кинулся спасать и карать.

Страху не было, хотя я и в десанте не служил, и никаким убойным приемчикам не обучен. Просто умею переходить на сверхскорость, когда надо.

«Спасибо деду за хорошую наследственность!» — мелькает в голове. Старый, в бытность свою сержантом НКВД, в одиночку брал матерых агентов Абвера, а раненых товарищей лечил наложением рук. Видно, я в него пошел.

«Вот ведь уроды!» — Я вызверился, увидев, как старшак с перекачанной, бесформенной тушей хлестнул Лену наотмашь, да так, что ее снесло к фонарному столбу. Там стояли еще трое. Добры молодцы, гогоча, отпасовали девушку обратно, но и она не сплеховала — с налету ткнула в старшака кулачком.

Тот зарычал, схватил Лену за нежную шейку, а «три богатыря» кудахтали от восторга и хлопали себя по ляжкам.

Завидев благородного рыцаря, спешившего на выручку к прекрасной даме, «богатыри» угрожающе шагнули навстречу.

«В едином порыве, — подумалось мельком. — Трое на одного!»

— Стопé! — крикнул мне «богатырь» с томным лицом потасканного альфонса.

— А ну, дергай отсюда! — с угрозой набылчился его дружок, кудрявый молодчик. Рукава своей толстовки он закатал до локтей, выставляя напоказ мускулистые руки, сине-красно-зеленые от сплошных татушек. — Резче!

С ходу вырубая кудряша, косившего нечестивым цыганским глазом. «Альфонс» сделал попытку пробить мне печень с правой, но тут я ускорился и не отделался заурядным блоком, а врезал кулаком, ломая противнику локтевой сустав.

Третий «богатырь» счел себя лишним, и я оказался в шаге от главного отрицательного персонажа.

Лена, потерявшая сознание, беззащитно раскинулась на увядшей траве, а старшак нависал над нею в образе чудовищного творения Франкенштейна — сильно сутулясь, вжав маленькую голову в борцовские плечи, свесив длинные ручищи, бугрящиеся мышцами. На сытеньком лице все еще стлыло выражение злобного торжества, но уже пробивалась растерянность и даже обида — урод не понимал, кто ему все портит. Наконец он углядел меня — и обрадовался. Зря.

Я не стал его убивать. Для начала заехал носком ботинка в пах — бесформенный здоровяк согнулся, широко разевая рот и пуча глаза. Ухватившись за невымытый чуб старшака, я крепко приложил его носом об колено, тут же вздернул и добавил локтем в челюсть, доламывая лицо. Качок выстелился на газоне, утробно мыча, и перекатился на грязный асфальт.

Всё, больше мне никто не мешал, и я присел возле недвижимой Рожковой — мои пальцы бережно огладили лебединую шею девушки, на которой уже проступали синяки.

«Повреждено дыхательное горло... — отмечаю с мервтящим испугом. — Смещены позвонки... Задет шейный сегмент спинного мозга...»

Лена не дышала, и пульс не прощупывался.

Я положил ладонь на приятную выпуклость, растягивающую платье слева. Понятия не имею, что за энергию рождает мой организм, какую потаенную силу он передает, но я точно знаю — она стекала сейчас с моих пальцев, обволакивая Ленкино сердце, струилась по центральной нервной, пробуждая мозг девушки от смертного сна. Но успел ли? Вдруг слишком поздно?!

«Очнись, очнись, маленькая! — взмолился я. — Ну пожалуйста!»

Рожкова вздрогнула, вдохнула сипло, захрипела, открывая глаза, полные страдания.

— Ничего не говори! — поспешно сказал я, унимая бурную радость в душе. — А то будет больно. Поптерпи немножко, маленькая...

Трепещущие веки Леночки набухли слезами, соленые капли потекли по щекам, губы вздрагивали,

то ли улыбку силясь выдавить, то ли искривиться от боли.

«Всё, позвонки на месте, шейный сегмент без повреждений... — Я осторожно провел по девичьей шее обеими ладонями, восхищаясь чудной гладкостью и бархатистостью. — Мягкие ткани... Мягким тканям мы поможем... Залечим мягкие ткани... — Отрешась от земного, сосредоточился, даже глаза закрыл, чтобы не отвлекаться на внешний мир. — И трахее пособи́м... Вот так.. Порядок...»

— Спас-сибо... — вымолвила Лена.

— Не за что, — облегченно улыбнулся я и подхватил девушку на руки. — Пойдем отсюда.

Рожкова очень ослабла, да и во мне жила немалая усталость. Так всегда бывает, если слишком щедро делишься этой своей энергией.

«Да пребудет с тобой Сила!» — шарахнулась мысль.

Я свернул в тихий переулок, плотно забитый автомобилями — машины стояли впритык, жались полированными боками, — и тут меня догнал пронзительный крик:

— Ленка!

Цокот каблучков ускорился — подбегала Наташа Томина, подруга Леночки. Они вместе снимали квартиру напротив моей — и непонятно, как уживались. Две противоположности.

Лена — спокойная и молчаливая, даже холодно-ватая с виду. А вот Наташа порывиста и непоседлива. И плохое, и хорошее переживает одинаково бурно, но неглубоко. Проходят считанные минуты после горчайших слез, и Наташка уже улыбается, готовая смеяться и радоваться миру.

— Что с ней? — накинулась на меня Томина и взволнованно зачастила: — Она живая? Я из окна смотрю, а тут... Так, в халате, и выбежала! Это Грицай ее? Ленка ему отказала, а он... Она живая? Ты ее спас? Да?

— Да вот, проходил мимо, — прокряхтел я, — дай, думаю, окажу первую медицинскую помощь... Открой дверь.

Наташа бросается к гулкой двери подъезда и распахивает ее настежь, пропуская меня в парадное — сразу потянуло куревом, под ногами захрустела, заклацала отставшаяся кафельная плитка. Плечом я задел почтовые ящики, и те возмущенно лязгнули. Жаль, что в пятиэтажках не ставят лифтов...

Лена — стройная, высокая... и далеко не пушинка. Лучше б ее подружку тащил, Наташка — миниатюрная шатенка...

Мы поднялись на третий этаж. Томина рывком отворила дверь квартиры и торопливо зацокала в спальню.

— Сюда! Сюда! — слышался ее высокий звонкий голосок.

Я захожу бочком, проношу свой драгоценный груз и опускаю на кровать. Двухспальное ложе, сработанное из настоящего дерева, проскрипело с тихим завизгом.

— Да я бы сама... — стеснительно пробормотала Лена.

— Лежи, — наметил я улыбку. Присев с краю, позвал: — Наташ!

— Я здесь! — Томина появилась в дверях с ноутбуком в руках. Странно поглядывая на нас, она поставила бук на старомодный буфет, нажала кнопку.

— Постельный режим, — веско сказал я под нехитрую мелодийку «Виндоуз». — Есть пока не надо, но пить можно. Будет больно если, зовите меня. Ладно?

— Ага! — Наташа покладисто тряхнула головой.

— Только не стесняйтесь! Ночью прижмет — будите! Не надо боль терпеть.

— Не буду, — бледно улыбнулась Рожкова.

— Выздоровливай... — проворчал я с долей смущения, лишь сейчас заметив, что все это время держал ладонь на гладком Ленкином бедре и гораздо выше ладной коленки.

«Ну, хоть какая-то плата за лечение! — подумалось мне. — Будет что вспомнить перед сном...»

Наташа выбежала провожать.

— Спасибо тебе! — выдохнула девушка. — Не знаю, что бы я делала, если бы... Если бы...

Всхлипнув, она бросилась ко мне, прижалась, крепко обнимая за шею и словно пригибая к себе. Наташины губы были сухими и будто припухшими. Я взволновался, но девушка уже отступила, проведя ладошками по моей куртке.

Последнее «спасибо» прошелестело как «пока».

— Спокойной ночи, — мягко улыбнулся я, переступил порог и аккуратно закрыл дверь.

***Среда, 21 октября 2018 года, день.
Москва, Ярославский вокзал***

Тепло никак не хотело покидать московские улицы. Осень выжелтила парки и скверы, устлала листвой пожухлую траву, а похолодание все задерживалось. Кое-где деревья облетели до полной графичности — сплошная прорись ветвей, голых и черных,

колыхалась над тротуарами, расчерчивая небо хаотичным, но четким узором.

И ни единого облачка, предвещающего мокроту и слякоть! Глубочайшая, пронзительная синь распахивалась над крышами мегаполиса — «унылая пора» сгустила бледную летнюю лазурь, словно выцветшую на солнце, размалевала ею небосвод, не жадничая, не скупясь на яркость и сочность колера. Пусть хлопотливые носители разума налюбуются вдосталь синовой небес, пока не накрыла их зимняя хмарь, надыхаются пусть печальной свежестью, настоящей на прели и тревожном запахе дальних снегов!

Я вздохнул, легко и бездумно. Прищурившись, измерил взглядом шпилястую гостиницу «Ленинградская», да и пошагал к вокзалу — все свои резюме я благополучно раздал по десятку адресов. Можно было возвращаться — с чувством исполненного долга.

Поток таких же, как я, жителей Замкадья, подхватил меня, закрутил и донес до самой платформы. Время ожидания не затянулось, вскоре подали электричку, и я занял место согласно купленному билету. Жизнь налаживалась.

Довольно улыбнувшись, поерзал, умашиваясь поудобнее, вздохнул и стал смотреть в окно — на перрон, на озабоченных пассажиров, носившихся с ручной кладью. Отъезжающие и провожающие будто нарочно устроили «показательные выступления» для одного зрителя — меня.

Они то и дело роняли пакеты и сумки, тепло закутанная малышня раз за разом вырывалась у них на свободу, ковыляя прочь и восторженно смеясь. Молоденькие родительницы суетились, бабушки

кудахтали встревоженно, собирая своих «птичек», «зайчиков» и прочих херувимчиков.

А я ощутил легкую печаль. Это со мной бывает.

Даже в последние недели, переполненные радостным возбуждением, мои душевные горизонты то и дело туманились, мрея серенькой меланхолией.

Не может человек быть счастливым долгое время. Мгновения счастья скоротечны, они как блики на воде в солнечный день — блеснут, уколот глаз иглистым высверком и тут же меркнут.

Я опять вздохнул, но не длинно и тоскливо, как умею, а успокоенно. Печаль преходяща, а вот неподвижность вечна. Улыбка тронула мои губы. Сегодня у меня ма-аленький праздник. Праздничек.

Ровно месяц назад я приехал на Ярославский вокзал, покинув суровый, неустроенный, экзотичный, опостылевший Дальний Восток, где провел, считай, почти всю свою жизнь. Годы и годы проползли, прошли, пролетели, а оглянешься — и вспомнить нечего. Нет, случались, конечно, приятные моменты, но они тонули в вязкой, тоскливой черноте буден.

Наверное, я бы так и не уехал, если бы не развод. Так бы и длился мучительный союз с любимой женщиной, которой я был не нужен. Никак я не сочетался с Дашиными хотениями и понятиями, вечно я ей что-то доказывал, но так ни в чем и не убедил.

Я проиграл.

Мы оба проиграли. Когда я садился на скорый поезд в Хабаровске, то не облегчение чувствовал долгожданное, не освобождение запоздалое, а опустошенность.

Я покинул единственного родного мне человека...

..На Дальний Восток, на самый край дремотной Азии, я переехал в 74-м, вместе с родителями, покинув цветущую и теплую, но бедноватую Украину.

В том самом году доктор технических наук, светило микроэлектроники Филипп Георгиевич Старос разругался с партийными органами, бросил все — и уехал во Владивосток, где возглавил отдел в тамошнем Институте автоматики и процессов управления. Старос хорошо знал моего отца, вот и слал письма, уговаривая и зазывая к себе в ИАПУ — скучно ему было без своих «старосят»¹. Папа долго колебался, не зная, на что решиться, но потом убедил себя, что в Первомайске ему ничего не светит — и подался к Тихому океану.

Помню, тем далеким летом мы встали очень рано, пяти еще не было. Шли пешком в синих, теплых сумерках, чтобы успеть на поезд «Одесса — Москва». Я тащил оттягивавший руку чемодан, смутно различая дорогу, и был преисполнен неясных надежд.

Они не оправдались. Я же не знал тогда, что переезд станет всего лишь отправным пунктом в целой череде утрат и разочарований, имя которой моя жизнь.

Уезжая, я потерял друзей. И подруг тоже — мне так и не довелось побывать в сказке под названием «Школьная любовь». На новом месте все было чужим, порой враждебным ко мне, незваному пришельцу.

Я вздохнул. Ох, и люблю же я поныть! Никому не пожалуюсь, главное, в себе буду держать всю эту разъедающую душу щелочь, настой исковерканной

¹ «Старосятами» называли себя сотрудники и ученики Ф. Староса.

жизни. И кто же поверит, что я — редкий оптимист? А ведь так и есть! Я всегда, наперекор любой действительности, истово надеялся на лучшее, верил, что все будет хорошо. А когда позитив запаздывал, выжимал его из того, что было, из негатива — хоть капельку, хоть намек на плюсики..

— Ваш билет, пожалуйста, — развеяла мысли пожилая и грустная с виду контролерша в выглаженной форменке. Доказав, что не «заяц», я вытянул ноги и нырнул обратно в поток сознания.

...И вот она — сбыча мечт. Всё, что нажил непосильным трудом, — всё это я выложил за двушку в Подмосковье. В Щёлково.

Местечко приличное, мне нравится — и в каком-то часе езды от МКАД. Всегда хотел жить поближе к Москве — этот город мне дороже разных парижей и лондонов. В «Лондонграде» я, правда, погостить не сподобился, но на столицу Франции нагляделся вдосталь. И больше тамошнее черно-белое кино смотреть не хочу.

Поезд тронулся, я бросил взгляд на часы. 13:39. Точно по расписанию.

...В сентябре мне стукнуло шестьдесят. Именно в этом возрасте умер отец. Рак прибрал его, и я до сих пор чувствую вину, которую не искупить вовек — ведь я мог, мог вылечить папку, но мы так редко пересекались! А когда свиделись, было уже слишком поздно — четвертая стадия. Тут никакие сверхспособности не помогут.

Отец не зря считался классным инженером и неплохо зарабатывал на новом месте, но так ничего и не скопил. И стоило тогда всё бросать? Уехать на

край света «за длинным рублем», защитить докторскую — и упокоиться на запущенном кладбище?

Иногда думаю, а не стал ли и для него ошибкой тот давний переезд? Но кто же ведает судьбу?

Может, мое возвращение «на запад», как дальневосточники зовут европейскую Россию, как раз и есть исправление житейской помарки отца? Конечно, биографию уже не перепишешь, и ушедшего не вернешь, но хоть что-то, хоть как-то, хоть краешком...

*Вечер того же дня,
Московская область, Щёлково*

Поход в «Пятерочку» на Зубеева занял у меня целый час. Сосиски кончились, хлеба была нехватка, ну, и к чаю чего-нибудь вкусенького душа требовала. Набив съестным пакет, бодро пошагал к своему новому ПМЖ.

После напряженной сутолоки, которую задавала московская толпа, я не успевал перестроиться на подмосковную размеренность. Тутюшня неспешность даже раздражала, щёлковцы будто следовали заповеди «Не спешите жить!».

Да и, правда, чего зря суету разводить? И я побрел экономичным шагом верблюда в Кара-Кумах. У монумента «Слава героям» свернул на Парковую. Улица мне нравилась своей провинциальностью — тихая, зеленая, застроенная в три-пять этажей. Истинное «Замкадь».

А вот и мой новый приют, новая нора для разведенного, куда можно забиться, отсидеться — или отлежаться, зализывая раны...